

Последняя сигаретка по пути на сцену

В последние годы сад «Аквариум» — большое пространство перед театром — ожил, преобразился и перестал быть призраком алкашей.

— А «Христос» где идет?
— Да в «Моссовете»!
Типичный милый московский абсурдизм, неприметный для театрального уха. Столичный Театр имени Моссовета, несмотря на свое прозрачное название (а в 1923-м, при рождении, назывался и вовсе «Имени МГПС»), всегда был гордостью и Москвы, и страны.

Молодой публике фотографии в фойе расскажут о целой эпохе — 37 лет! — царствования здесь Юрия Завладского (неповторимого ваткинского красавца Калафа), возмужавшего театр еще до войны. И в редком даже столичном театре увидишь на исторических сценах столько лиц великих, уже отошедших в вечность, но навсегда памятных и по сцене, и по киноэкрану. Плут и Ривельская, Орлово и Евридан, Марешка и Конскацкий, Боровой и Марков...

Но и те, кто играет здесь сейчас, давно уже не менее знамениты: Жиганов, Тапалыгина, Дроблшова, Бортников... В «Моссовете» блистают непревзойденные столпные красавицы Маргарита Терехова и Ольга Осипова, каждая в своем роде. И Георгий Тараторкин — умница, красавец, святой человек (и не шушу). В «Моссовете» ставит и великий китчущий Юринкин. «Моссовет» славется тем, что не боится нашей сегодняшней драматургии (а это

сейчас редкость) и легко (на взгляд довольно острого зрителя) справляется с мизансценами. Тот самый убаюкивающий «Иисус Христос суперзвезда» сколько лет идет — а люди, попадающие в 75-летнюю театральную историю марта, главные режиссер Павел Хомский ставит «Школу злополучных Шеридана» — в продолжение собственной постановки «Ошибок одной ночи» Голдсмита (кстати, у «Ошибок» в марте тоже юбилей — 225 лет). Перед «Ошибками» мы и пришли в театр. И за полчаса до начала спектакля потылились под ногами у довольно вдовольно — взбудораженных и соседоточенных одновременно — людей с целью выяснить, выношать, выпалывать, какими образом закипят перед третьим звонком булдон асепсидной голдсмитовской комедии?

В 18.25 на сцене еще устанавливали декорации (начали с четырех часов). В репертуаре «Моссовета» 25 спектаклей, каждый в среднем идет по два раза в месяц. И каждый раз декорации приписаны из ангаров и уже на сцене приводятся в божеский вид. Так что художники-декораторы Олег Коршунов и Александр Завялов тонировали при нас какой-то стол — «Если что не так — Маша сердится будет» — Маша Рыбасова, художник спектакля, ходит по сцене, приводя колоритные детали в полное соответствие с

первоначальным замыслом и общей картиной.

До спектакля 20 минут. На сцене все еще все гости, передвигаясь по сцене, «старинной» лестницы прилаживают «шкарные» бутафорские шпешки, которые рабочие приперли в бок, как концы катушки. На полу какие-то доские шуточки закрепляет скотчем пиротехник: этот спектакль не начнется небольшим взрывком. Единственный актер на сцене сейчас — Валерий Яременко. Он в темпе прикидывает мизансцены, время от времени утыкаясь в роль — напечатанный на машинке текст подшит в трепанную картонную папку с ридной надписью «Дело». У него сегодня ввод на роль Тони Лумкина.

Заглянули в бутафорский цех — на самом деле это маленькая комната, вся заставленная — антиквариатом — не поймешь, где подлинное, где пале-маше. К «Ошибкам» готовят поднос с большой крошечной, уверяю, что в роли крошечной, выступает чай с сиролом (не знаю, не знаю, не проверяли). На третьем этаже наш гид — заплыв театр Анатолий Митинков сказал: «Тс-тс! Театральная часть! Что не помешало нам за двадцать минут до начала спектакля вздремнуть в артистическом Евгения Лазарева. Он уже был весь из себя — XVIII век, в белых чулках — и тихо сидел на

диванчике. Немного подготовили о его работе в Америке. «Я уезжал на восемь месяцев, ну да ведь теперь все ездит. Преподавал, дажы, ставил «Банкрот» — в Филадельфии и в Атланте. И сам играл на английском языке. Архивископа Кентерберийского в пьесе «Убийство в костеле» XIX век, у него вот от такого было на голове...» (Показывает).

На вешалке — аттестатный халат. Оказалось, режиссер. «Я не люблю халат, это не мой стиль. Это женщины больше предпочитают иметь в артистической халат, тапочки. А из мужчин... Если только Голобородко...»

А Владимир Горюшин сидит в коридоре, курит, еще не одетый, хотя ему тоже вот вот на сцену. «Успех». Недаром с самой лучшей комедии он играет нестерпимого слугу Дитгери.

Четвертым этаж — еще более творческая часть: здесь женские гримерки. Ценики, выдержанный для Голдсмита в кофейно-шоколадных тонах. Маленькие лффы, странные кресла. И белые фарфурные, рошечки, чепчики. Все дамы сидят у зеркала до упора и только что носом не прикасались к нему — всегда найдут, какую еще ресничку накрасть погуще. Угостили и артистическую с другой знаменитости — Татьяне Бестаевой (ай да взгляд!). Расслабляемся в комплименты — выглядит она очень стильно. «Спасибо», — отвечает.

— Это вы мне как адресовали в кровь влили. Сейчас хорошо играть буду».

Вобщем здесь одни чаровницы — все уже будто вошло в свои роли. Татьяна Родионова смешно сердится на журналистов, тычет в какую-то газету: «Вот, смотрите, ужас же как меня все время печатает! Все время с голой грудью!» — «Помилуйте, сударыня, как же с голой, у вас же тут корсаж...» — Ну через шепотку же видно, в прозев... А Мария Шубина в гримерке по соседству вообще ничего не дала снимать — такой, скажу я вам, темперамент, что фотокор только своей японской «Никон» прикрыл.

Дарья Феленко, играющая «Ошибкам» хорошему леминичу, уже несется на сцену к началу спектакля (звонки! звонки! звонки!), но на лестничной клетке успевает повисеть на шее у довольного Андрея Рапопорта (он еще в «Гражданском» ему на выход через 25 минут). Андрей, заметив фотографию, машет руками: «Знаю, это же компромат!»! Впрочем, в духе Голдсмита.

С третьим звонком вестибюль и фойе мгновенно пустеют, спектакль начался. А мы еще пробормотались по репетициям — да-да, они не останавливаются здесь, как-то, никогда. Даже в кабинете Завладского проводят спектакли — здесь стоит хороший инструмент. Репетиции проходят и в специально

большем зале, и в знаменитой «Под крышей» (до такой степени под крышей, что потолок зала и составляет собственную декоративную кровлю, то есть это вообще просто чердак, где раньше хранили реквизит). В одном из помещенных тренируется пластическая группа Владимира Аносова — всю труппу заняты в спектаклях «Иисус Христос», «Игра», «Шварц-наваррот».

С деловым видом здешних людей заходим в зрительный зал — в локу дирекции. Отсюда, сбоку, одинаково хорошо видны и сцена, и зрители. Лазарев играет своего мистера Хаджиста в роскошном синем камзоле, расшитом золотом. Герой у него очень убедительный, и очень странно, что четверть часа назад мы с этим вот человеком говорили о каком-то там мазете и тапочках. Когда артист перешел от своей реальной ипостаси к иллюзорной? В какой момент закинул булдон и спектакль забурлил как высоко-температурный организм? Мы так и не успели. Все характеры как-то негнелись, негнелись, и вдруг выскочили на подмостках такими достоверными, будто на дворе и правда XVIII век. И будто только что эти актеры не докуривали последнюю сигаретку на темной ленте по пути на сцену.

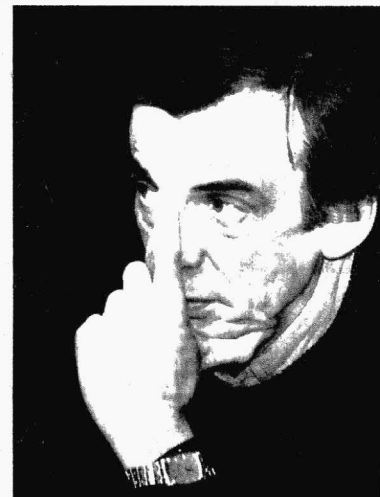
Наталья ЗИМИНА

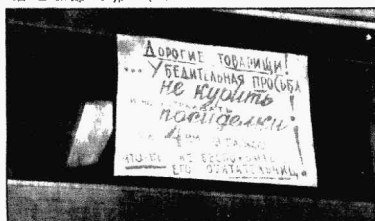
К антракту пол в вестибюле снова будет чист как стекло.

Пластическая группа Володи Аносова всегда в отличной форме. Теперь понятно почему.

Георгий Тараторкин — между прочим, первый секретарь СТД и президент ассоциации «Золотая маска».

Вход в рай — для всех, но не по пустякам. Теперь понятно почему.

Дарья Феленко: глазки побольше, побольше...

Бутафорский цех: а чай ли в артистическом — вот в чем вопрос!

Татьяна Бестаева: взгляд с лувкинкой.

Евгений Лазарев: «А в XII веке во-от такое носили на голове!»

Через 20 минут с этой сцены великий Голдсмит расскажет нам нечто забавное о XVIII веке.